

Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

43/2-3 | 2002

**Contacts intellectuels, réseaux, relations
internationales**

Na periferii franko-russkogo al jansa. Istorija odnogo banketa

Roman DOUBROVKINE

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8513>

DOI : 10.4000/monderusse.8513

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 avril 2002

Pagination : 515-528

ISBN : 2-7132-1781-4

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Roman DOUBROVKINE, « Na periferii franko-russkogo al jansa. Istorija odnogo banketa », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 43/2-3 | 2002, mis en ligne le 01 janvier 2007, Consulté le 19 avril 2019. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8513> ; DOI : 10.4000/monderusse.8513

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_432&ID_ARTICLE=CMR_432_0515

Na periferii franko-ruskogo aljansa. Istorija odnogo banketa

par Roman DOUBROVKINE

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2002/2-3 - Vol 43

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713217814 | pages 515 à 528

Pour citer cet article :

—DOUBROVKINE R., Na periferii franko-ruskogo aljansa. Istorija odnogo banketa, *Cahiers du monde russe* 2002/ 2-3, Vol 43, p. 515-528.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

ROMAN DOUBROVINE

НА ПЕРИФЕРИИ ФРАНКО-РУССКОГО АЛЬЯНСА

История одного банкета

Известно, что последняя четверть XIX столетия характеризовалась во Франции волной русофильства («русомании»), достигшей апогея в 1886 году, когда бывший сотрудник французского посольства в Санкт-Петербурге виконт Эжен Мельхиор де Вогюэ (1848-1910) издал книгу под нашумевшим названием *Русский роман*¹, в которой он раскрыл перед читателем величие «славянской» прозы — главным образом романов И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Цель своей книги, объединившей шесть статей, ранее помещенных в *Revue des Deux Mondes*, критик определил в предисловии:

«По соображениям литературным, — о них я скажу далее, — по мотивам другого порядка, о коих умолчу, так как каждый догадывается о них, я убежден в необходимости работать над сближением двух стран при помощи взаимного влияния умственной, творческой деятельности в обеих странах.»²

Русский роман (скорее явление, нежели книга де Вогюэ) приобрел во Франции такую популярность, что в парижских литературных кругах стали опасаться захватнического характера «северной» прозы. Открыть для себя загадочную «русскую душу»³ мечтали не только обыкновенные читатели, но и многие французские литераторы, независимо от идейной ориентации, манеры письма или творческого кредо. Одни, подобно Эмилю Золя, приняли культурное сближение двух народов с энтузиазмом, другие (среди которых было немало критиков-модернистов) поспешили объявить войну

1. Eugène-Melchior de Vogüé, *le Roman russe*, Paris, 1886.

2. Цит. по: «Изучение русской литературы во Франции. Библиографические материалы.» Обзор П. Беркова. В кн.: *Литературное наследство*, М.-Л., 1939, т. 33-34, с. 746.

3. По названию сборника Л. Гольшмана и Э. Жобера, *Русская душа. Избранные рассказы Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Гаршина, Льва Толстого* (*L'âme russe. Contes choisis de Pouchkine, Gogol, Tourguéniev, Dostoïevsky, Garchine, Léon Tolstoï*). Trad. De Léon Golschmann et Ernest Jaubert, Paris, 1896).

новоявленному духовному империализму⁴. Очевидец событий П. Д. Боборыкин описывает настроения тех лет в категориях подлинного литературного нашествия:

«А тем временем проникали с севера и востока новые литературные веяния. Производили свое мирное завоевание сначала русский роман, потом скандинавская драма. В области поэзии символисты, встреченные сначала насмешками со стороны людей установившихся вкусов, — выступали с своими новыми требованиями, и не в одной только лирической области, а также и в драме, и в романе. Нашлись страстные поклонники у Ибсена и у бельгийца Метерлинка Поэты-символисты и декаденты Верлэн и Мал[л]арме делались предметом заинтересованных толков. В бульварной прессе и скандальные нравы одного из них уже не отвлекали, а возбуждали нездоровое и все возрастающее любопытство...»⁵

Поставленные в один ряд, внешне несопоставимые жанры — реалистическая проза и символистская поэзия — достаточно верно отражают сущность событий эпохи. Поэтическая молодежь, с гордостью подхватившая некогда оскорбительную кличку «декаденты», шла в последней четверти XIX века в авангарде литературы и естественным образом оказалась восприимчивой к идеям русской прозы, опережающей, как было замечено тем же Мельхиором де Вогюэ, французский роман.

Второй, более веской причиной, придавшей импульс интеллектуальному сближению России и Франции, было регулирование этого процесса государственными учреждениями обеих стран, что диктовалось военными, политическими и даже экономическими соображениями. Обмен идеями «благословлялся» на высочайшем уровне — российским императорским двором, с одной стороны, и президентом Французской республики, с другой. Заключенный в 1891 году франко-русский союз способствовал, помимо прочего, углублению личных контактов между писателями: обычными стали поездки в Париж редакторов петербургских и московских журналов, усилилась роль живущих во французской столице русских эмигрантов — активных переводчиков русской прозы, деятельность которых не прекращалась с 1860-х годов, со времени появления во французской печати романов И. С. Тургенева.

Ориентация на французскую поэзию, на французское искусство связывается сегодня в нашем сознании преимущественно с «серебряным веком» поэзии русской, с европейскими устремлениями В. Брюсова, с иностранными корреспонденциями журнала *Весы*, с переводческими начинаниями книгоиздательства «Скорпион», с журналами *Мир искусства* и *Золотое руно*. Период, предшествовавший появлению брюсовских брошюр *Русские символисты* (1894-1895), воспринимается обычно как литера-

4. См., например: Anatole Baju, « L'influence russe sur la littérature française », *Le Décadent*, 1er mars 1888 ; Jules Lemaitre, « De l'influence récente des littératures du Nord », *Revue des Deux Mondes*, 15 déc. 1894.

5. П. Д. Боборыкин, *Столицы мира: тридцать лет воспоминаний*, М., 1911, с. 193.

турная пустыня, осваивать которую бесперспективно даже в историческом плане. «Знание языков было неведомо в среде прежних литераторов; оно обязательно среди «новых», — читаем мы у Евг. Аничкова, возражавшего против отрицания в новой литературе «именно гуманизма в смысле начитанности»⁶.

Спору нет, русские символисты приблизили западную литературу к своим современникам, сообщили им радость «волнующей лихорадки открытия»⁷, иначе говоря, донесли до читателей образцы иноземного модернизма в высоко художественной, эстетической, эмоциональной форме. Это выгодно отличало их печатную продукцию от сухих, не всегда грамотных библиографических хроник, которыми изобиловала российская периодика предшествующих десятилетий. Тем не менее, было бы неправомерно утверждать, что Брюсов и его соратники начинали буквально на голом месте. Регулярное освещение зарубежных и особенно парижских новостей было давней традицией как столичных, так и провинциальных редакций, связанных с Западной Европой целой сетью постоянных корреспондентов. Другое дело, какие формы принимало это восприятие и кто оказывался в числе посредников.

Так случилось, что традиционное отставание русской литературы от западной привело к тому, что победившему к началу 1890-х годов французскому декадентству не нашлось в России аналога. Задачу культурного сближения двух стран осуществляли на практике литераторы совсем иного толка, среди которых было немало людей, чьи консервативные убеждения не только не способствовали, но скорее препятствовали установлению адекватных контактов, приводили к их выхолащиванию. Публикуемые в настоящей статье письма французских интеллектуалов к редактору *Нового времени* А. С. Суворину — яркое и неожиданное свидетельство этой неординарной ситуации. Для историков — это еще одно дополнение к мало изученной главе о взаимодействии русской колонии Парижа с творческими кругами Франции, для биографов — новые штрихи к портрету виднейших деятелей литературы и искусства.

Связаны эти письма с проведением так называемых «франко-русских празднеств», «странного (по выражению Льва Толстого) явления», вызвавшего в писателе, «вероятно так же как и во многих людях, сначала чувство комизма, потом недоумения, потом негодования»⁸.

Происходили празднества в октябре 1893 года и были приурочены к заходу в Тулон русской средиземноморской эскадры под командованием

6. Евг. Аничков, «Последние побеги русской поэзии», *Золотое руно*, 2, 1908, с. 52.

7. О. Э. Мандельштам, «Письмо о русской поэзии», в его кн.: *Слово и культура*, М., 1987, с. 174.

8. Л. Н. Толстой, «Христианство и патриотизм», в его кн.: *Полное собрание сочинений в 90 томах*, М.-Л., 1928-1958, т. 39, с. 27.

контр-адмирала Ф. К. Авеллана⁹. Подготовка к парижской части торжеств велась под эгидой столичной мэрии, для чего были созданы театральная комиссия и «комитет по делам прессы» (Comité de la presse). Обязанности по координации культурной программы были возложены на писателя Рауля Каниве (Raoul Canivet).

От российской печати в Париж прибыло несколько делегатов: редактор газеты *Санкт-Петербургские ведомости* Василий Григорьевич Авсеенко (1842-1913), основатель и редактор газеты *Свет* Виссарион Виссарионович Комаров (1838-1907), а также редактор-издатель газеты *Новости* и журнала *Петербургская жизнь* Осип Константинович Нотович (1847-1914). Возглавлял группу Алексей Сергеевич Суворин (1834-1912), редактор газеты *Новое время* и владелец одного из крупнейших российских издательств, «влиятельный правительственный публицист (как сказал о нем Ю. Тынянов), близкий ко двору, руководитель официоза»¹⁰.

Значительную часть 1893 года А. С. Суворин провел за границей. Начиная с 3 мая он живет в Париже, откуда время от времени отправляется в поездки по Франции и Германии. Во французской столице он делит свое время между обязанностями представителя российского государства и развлечениями любопытствующего путешественника — посещает деловые завтраки, обеды и ужины, навещается в кафе и кабаре, ездит на скачки, заглядывает в литературно-артистическое кафе «Chat noir». К сближению двух народов Суворин относится скептически: «Франко-русские симпатии (записывает он в дневнике) — иллюзия, их нет. Французы симпатизируют только тем, которые деньги оставляют.»¹¹

В конце лета Суворин посещает Берлин и Биарриц, после чего 30 сентября (12 октября) возвращается в Париж для подготовки к торжественным мероприятиям: присутствует в тот же день на завтраке, который дает Рауль Каниве; 10 (22) октября обедает в «Журналистском кружке» (Cercle de la Presse); проводит встречи с редакторами ведущих французских газет.

Повсюду в Париже Суворина сопровождает корреспондент газеты *Новости* Евгений Валентинович Де Роберти (1843-1915), знакомый с ним еще по совместной работе в *Санкт-Петербургских ведомостях* времен В. Ф. Корша. Последователь Огюста Конта, автор солидных трудов по философии и социологии, Де Роберти с 1887 года постоянно живет во Франции, поддерживая контакты с различными деятелями литературы, науки и искусства.

Есть в окружении Суворина еще один русский эмигрант, не такой близкий к нему, как Де Роберти, но не менее активный деятель франко-русского литературного сближения. Это переводчик русской прозы Эли

9. Подробно об этих событиях см. кн.: Bertol-Graivil et Paul Boyer, *Le livre d'or des fêtes franco-russes*, préface d'Alfred Mézières, Paris, 1894.

10. Из рецензии на первую публикацию *Дневника* А. С. Суворина, *Русский современник*, 1, 1924, с. 328. Подпись: Ю. Т.

11. *Дневник Алексея Сергеевича Суворина*, М., 1999, с. 164. Запись от 4 (16) июня 1893 г.

(Илья Данилович) Гальперин-Каминский (1858-1936), служивший с 1887 по 1894 год атташе при французском Министерстве иностранных дел.

Де Роберти знакомит Суворина с целым рядом французских знаменитостей, среди которых необходимо назвать Жюля Кларети и, конечно же, Эмиля Золя. С последним редактор *Нового времени* завтракает у Гальперина-Каминского 18 (30) октября¹². Очевидно, что благодаря этим связям его общение с парижской литературно-журналистской средой становится достаточно насыщенным.

Бывает Суворин и у Мельхиора де Вогюэ, который по мере укрепления франко-русского альянса превратился из литературной фигуры в общественную и теперь посвящает большинство своих журнальных публикаций злободневным вопросам политического характера. С годами автор *Русского романа* начинает тяготиться взятой на себя организаторской ролью, что подтверждают его бумаги, его дневниковые записи, его переписка. «Франко-русский поезд», — сетует он 13 октября 1893 года, — все быстрее мчится вперед, в то время как сам он, отслуживший на этом поезде пятнадцать лет «машинистом», охотней стал бы сегодня «сторожем у тормоза»¹³.

Усталость виконта де Вогюэ вполне объяснима: приведенные слова были сказаны им накануне «недели из восьми воскресений» или «русской недели», устроенной по поводу приезда в Париж русских моряков. 25 октября (нового стиля) столичная мэрия устраивает в их честь феерический балетно-музыкальный спектакль. В знак благодарности за оказанное гостеприимство редакторы петербургских газет решают на следующий день «заключить ряд торжеств обедом, предложенным от имени русской литературы и печати представителям французской науки, литературы, искусства и печати»¹⁴. Банкет на 128 персон состоялся 26 октября в отеле «Континанталь» и, как писали в России, «достойным образом увенчал блестящие франко-русские празднества»¹⁵.

Председательствовал на банкете, естественно, Мельхиор де Вогюэ, заменивший почетного председателя Луи Пастера, не приехавшего из-за болезни. Со стороны Франции были приглашены члены Французской академии, видные ученые, литераторы, музыканты, художники и журна-

12. Там же, с. 192.

13. Из частного письма к родственнику в изложении Магнуса Рёлля: «En 1893, il dit à son oncle à propos du "train franco-russe", qui marche très bien, qu'il a "plus d'envie d'être serre-frein que chauffeur sur ce train où [il a] servi depuis quinze ans" » (Цит. по кн.: Magnus Röhl, *Le roman russe de Eugène Melchior de Vogüé*, Stockholm, 1976, p. 129). При подготовке названного издания автор книги имел возможность ознакомиться с архивом М. де Вогюэ, хранящимся в семейном собрании в Париже. Наши попытки получить доступ к неопубликованной части «Дневника» М. де Вогюэ и его эпистолярному наследию оказались, к сожалению, безрезультатными.

14. *Новое время*, 6340, 22 октября (3 ноября) 1893, с. 1-2.

15. *Новости*, 285, 16 (28) октября 1893, с. 1 (Последние известия от спец. корреспондентов *Новостей*, Париж 15 (27) октября /по телеграфу/).

листы. С российской стороны — весь персонал посольства в Париже, а также постоянно живущие в Париже знаменитые русские — биолог И. Мечников, скульптор М. Антокольский, художник К. Маковский.

По слухам, приходившим из французской столицы, обед этот был во многом импровизацией: «все дело, — писали *Новости*, — было устроено в 48 часов, и многие приглашения могли быть разосланы лишь в самый день обеда, между тем как здесь в постоянном обычае посылать в таких случаях приглашения, по меньшей мере, за неделю...»¹⁶

В действительности импровизированной была только дата обеда, организация которого осложнялась отъездом в четверг вечером, 26 октября, российского посла Артемия Павловича Моренгейма, а также другими чисто техническими трудностями¹⁷. Несмотря на то, что окончательное решение о дне проведения было принято в прямом смысле накануне, праздник удался. Вот что сообщали об этом из Санкт-Петербурга:

«Более ста десяти писателей отозвались на зов русской печати и таким образом, как говорит одна газета “tout ce que la littérature, l’art, la presse comptent de célébrités y était brillamment représenté”¹⁸. [...] Всего было послано 160 приглашений. По французскому обычаю, и принявшие приглашение, и те, которые по каким-либо причинам не могли прибыть, отвечали хозяевам — кто несколькими словами, а кто длинными письмами и телеграммами. В пригласительных билетах была напечатана просьба адресовать ответы г. Суворину в Hôtel Vendôme (как старейшему по возрасту, из наличных русских журналистов, *doyen d’âge*). Таким образом, у г. Суворина образовалась весьма интересная коллекция автографов.»¹⁹

Коллекция благодарственных писем и ответов на приглашения (в действительности насчитывающая 188 посланий), которую их адресат, по словам того же репортера, собирался напечатать «почти целиком», сохранилась в отделе рукописей санкт-петербургской Российской национальной библиотеки. Ни Суворин, ни его коллеги-редакторы не занимались составлением списков гостей. Обязанность эта была возложена на незаменимого виконта де Вогюэ, о чем тот сообщал Эмилю Золя в письме от 25 октября:

«Мои русские друзья говорят мне, что Вы завтра окажете им честь и удовольствие своим присутствием на их банкете. Поскольку они избрали меня посредником между нашими соотечественниками и русскими литераторами, я должен стремиться доставить им все удовольствия, какие они только пожелают.»²⁰

16. Там же, 290, 21 октября (2 ноября) 1893, с. 1.

17. См. об этом письмо М. де Вогюэ к С. С. Татищеву от 21 октября 1893 г. (Российская национальная библиотека (далее в сносках — РНБ), Ф. 754, ед. хр. 45, № 4224/1-6).

18. «Все знаменитости, какие только есть в литературе, искусстве и прессе, были блестяще на нем представлены» (Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, перевод мой. — Р. Д.).

19. *Новости*, 290, 21 октября (2 ноября) 1893, с. 1.

20. «Mes amis russes me disent que vous leur ferez demain l’honneur et le plaisir d’assister à leur banquet. Puisqu’ils m’ont choisi comme intermédiaire entre eux et

Судя по сохранившимся документам, кандидатуры приглашенных виконт де Вогюэ также обсуждал не столько с Сувориным, сколько с его помощниками. В написанном по этому поводу конфиденциальном письме он жалуется русскому дипломату Сергею Спиридоновичу Татищеву на интриги академических чиновников, желающих непременно присутствовать на банкете, на нехватку времени, на невероятную загруженность:

«Сообщаю Вам об этом доверительно и прошу уничтожить мое письмо по прочтении, поскольку забежать к Вам для личного разговора у меня просто нет времени. Мне надо написать тридцать приглашений, репортеры осаждают мою дверь, выпрашивая текст выступления, о котором мне недосуг даже подумать. И если посчитать тех, кто, насколько я знаю, уже принял приглашение, у нас возникнет сотня щепетильных ситуаций относительно мест, тостов и т. п. Я, разумеется, приобрету добрую тысячу врагов из-за того, что кого-то позабыли или вычеркнули, в чем обвинят меня одного. Но неважно. Этим надо пренебречь, как и всем остальным, ради дела, над которым мы работаем вот уже с лихвой пятнадцать лет.»²¹

Следует отметить, что литературные вкусы Мельхиора де Вогюэ если и не отличались одиозным антидемократизмом, свойственным вкусам Суворина, их нельзя не назвать по меньшей мере консервативными. Новейшую литературу он не терпел и среди французских поэтов своего времени выделял одного Ж.-М. де Эредиа. О его мыслях об авангардной поэзии можно только догадываться²². В списке приглашенных на банкет оказались, тем не менее, такие разные писатели, как Эмиль Золя, Альфонс Доде, Эдмон Гонкур, Франсуа Коппе, Поль Маргерит, Марсель Прево, Поль Эрвье, Поль Адан, Ж.-М. де Эредиа, Жан Ришпен, Ф. Вьеле-Гриффен, Арман Сильвестр, Анатоль Франс, А. Дюма-сын, Альбер Сорель, Анатоль и Поль Леруа-Болье, Альфред Рамбо, Пьер Лоти, Катюль Мендес, Жюль Кларети, А. Сюлли-Прюдом, Жюль Леметр, Стефан Малларме и др.²³ Большинство из них нашло возможность присутствовать на вечере, а те,

nos compatriotes, je dois m'occuper de leur procurer toutes les satisfactions qu'il désirent ». Emile Zola, *Correspondance. Octobre 1893 – septembre 1897*, Montréal, 1991, t. 8, p. 74.

21. «Je vous écris en confiance et vous prie de détruire cette lettre, n'ayant pas le temps de courir vous chercher. J'ai trente billets à écrire, les reporters assiègent ma porte, me demandent le texte d'un discours auquel je n'ai pas même le loisir de penser. Et, avec les acceptations que je connais, nous allons avoir cent difficultés délicates pour les places, les toasts, etc. J'aurai, moi, mille bons ennemis pour les oublis ou éliminations qu'on m'imputera. N'importe, il faut braver cela, comme tout le reste, pour la cause à laquelle nous travaillons depuis quinze ans et plus.» РНБ, Ф. 754, ед. хр. 45, № 4224/7-8. Судя по надписи в правом верхнем углу («Mercredi, 9 heures») и содержанию, написано вечером 25 октября. К письму приложены «списки французских деятелей для приглашения на банкет русской прессы в Париже».

22. Magnus Röhl, *op. cit.*, p. 100-101.

23. Из знаменитых французских художников здесь присутствовали близкие друзья Малларме О. Роден и Пьер Пюви де Шаванн.

кто по каким-либо причинам не сумел придти, прислали не просто формальные отказы, а послания и приветствия, нередко выдержанные в искреннем, восторженном тоне.

«Питаю энтузиазм к русской литературе и России» — писал Огюст Роден, с радостью принимая приглашение²⁴.

«Среди стольких приглашенных знаменитостей я буду, безусловно, наименее видным, но отнюдь не наименее сочувствующим поклонником Ваших восхитительных писателей и Вашего великого, щедрого народа»²⁵, — выводил каллиграфическим почерком Жозе Мария де Эредиа, создатель безупречных сонетов.

Торопясь, зачеркивая слова, с неподдельным чувством благодарил организаторов вечера знаменитый прозаик Поль Адан: «Ваше любезное приглашение удостаивает меня большой чести и я с удовольствием приду [на банкет], радуясь возможности пожать Вам руки, подтвердив тем самым нерушимое братство мыслителей — русских и французских писателей.»²⁶

Сохранилось в коллекции Суворина и немало извинений и отказов, вызванных главным образом нездоровьем. Престарелый Альфонс Доде сетовал на свою неспособность принять приглашение:

«Уважаемый господин Суворин !

Я был бы счастлив пожать Вам руку и выпить со всеми вами за здоровье нашего великого Толстого, но я плохо себя чувствую и больше не ужинаю в городе.

Передайте мои сожаления нашим друзьям по литературе и прессе и примите заверения в моей глубокой преданности.

Альфонс Доде.»²⁷

Среди отсутствующих знаменитостей был и Эдмон де Гонкур, которому врачи прописали постельный режим, и Леконт де Лиль, отлучившийся из Парижа и сожалеющий о том, что «был бы счастлив лично засвидетельствовать все свое сочувствие»²⁸, и Жюль Леметр, и Александр Дюма-сын,

24. « Je m'enthousiasme de la littérature Russe et de la Russie », РНБ, Ф. 754, ед. хр. 45, № 159.

25. « Parmi tant d'illustres Convives, je serai assurément le plus humble mais non le moins sympathique admirateur de vos admirables écrivains et de votre grande et généreuse nation. » (Там же, № 112).

26. « Très honoré de votre gracieuse invitation je m'y rendrai bien volontiers, tout heureux d'affirmer dans vos mains la fraternité indestructible des penseurs, des écrivains russes et français. » (Там же, № 60).

27. « Cher Monsieur Souvorine,

J'aurais été heureux de vous serrer la main et de boire avec vous tous à notre grand Tolstoï, mais je suis mal portant et ne dîne plus en ville.

Exprimez mes regrets à nos amis de la littérature et de la presse russe et croyez moi votre grand dévoué

Alphonse Daudet » (Там же, № 112).

28. « J'aurais été heureux à leur exprimer de vive voix toutes mes sympathies. » (Там же, № 112).

и, наконец, военно-морской офицер Пьер Лоти, вынужденный вернуться после отпуска на корабль, где служил капитаном.

Член Французской академии, будущий лауреат Нобелевской премии Сюлли-Прюдом, ссылаясь на плохое самочувствие, отозвался запиской, полной почтительных реверансов в адрес Суворина. Написанная мелким почерком на визитной карточке, она сообщала о том, что почтенный писатель «в четверг вечером всем сердцем мысленно присоединится к чувству пламенной симпатии, которое объединит на празднике представителей двух народов.»²⁹

Из литераторов совершенно другого плана привлекал внимание родоначальник символизма Стефан Малларме, незадолго до этого опубликовавший свою первую книгу, рассчитанную на широкого читателя. З. А. Венгерова писала в *Вестнике Европы* :

«Имя Маллармэ очень известно во Франции, а в последнее время и у нас, но подлинные его поэмы слишком разбросаны были до сих пор по специальным журналам или издавались как библиографические курьезы и доходили до публики большей частью лишь в пародиях противников “символизма”. Теперь Маллармэ, считавший до сих пор типографский станок профанацией вдохновения, решился издать избранные места своих произведений в общедоступном сборнике, который, быть может, рассеет легенды о сплошной непонятности его поэзии.»³⁰

Заведующая иностранным отделом «толстого» русского журнала, разумеется, преувеличивала популярность автора, про которого в это время говорили: «До сих пор он был знаменитым, а теперь о нем узнают»³¹. Это была популярность в очень узком кругу, и все же не только французские газеты в отчете о банкете называли Малларме одним из первых среди представителей «парижской интеллектуальной элиты»³², но и санкт-петербургские *Новости* в обширном материале «Банкет русской печати», описывая прибытие гостей, отметили его появление в числе «знаменитостей»³³. «Телеграмма» Малларме или, точнее, депеша без конверта, отправленная в парижский отель «Вандом», также сохранилась в архиве Суворина. Отвечая на приглашение русских журналистов, поэт писал:

«Милостивый государь!

Приношу свои извинения за то, что по причине срочности посылаю Вам благодарность телеграммой.

29. « Il s'associera, Jeudi soir, par la pensée et de tout son coeur au sentiment d'ardente sympathie qui unira les convives des deux nations.» (Там же, № 152).

30. *Вестник Европы*, 4, 1893, с. 861.

31. «Il était célèbre, il va maintenant être connu.» — Из статьи Бернара Лазара (Bernard Lazare, « Stéphane Mallarmé », *Le Journal*, 24 décembre 1892). Цит. по кн.: St. Mallarmé, *Mémoire de la critique*, Paris, 1998, p. 251.

32. См. утренний выпуск газеты *Journal des Débats* за пятницу 27 октября: «l'élite intellectuelle de Paris» (p. 1).

33. *Новости*, 288, 19 (31) октября 1893, с. 1-2. Подпись: Ж.

Конечно же, я принимаю от всего сердца любезное приглашение присутствовать сегодня вечером, сделанное мне представителями русской литературы и поэзии: я тронут им и польщен.

Прошу Вас, милостивый государь, принять выражение моего личного почтения и симпатии.

Стефан Малларме

Четверг, 26 октября.»³⁴

Аналогичными телеграммами, с радостью подтверждавшими свое присутствие на банкете, ответили Суворину поэт Франсуа Коппе и художник Пьер Пюви де Шаванн. Любопытное письмо прислал организаторам критик и драматург Катюль Мендес:

«Уважаемые собратья!

Нездоровье, не выпускающее меня из дома, лишает меня большой чести и еще большей радости выпить с учеными людьми из Парижа за русскую литературу и русских ученых людей. Я посвящу весь этот вечер чтению — буду перечитывать стихи Пушкина и Лермонтова. Таким образом я не в меньшей мере буду Вашим гостем. С восхищением и сердечностью Катюль Мендес.»³⁵

Как выяснилось после окончания празднеств, такое разнообразие литературных фракций и группировок отвечало замыслу устроителей банкета, поставивших перед собой задачу свести в одном зале самый широкий спектр представителей как традиционных, так и авангардных течений. В предисловии к опубликованному отчету говорилось:

«Французская Академия, Французский институт, все группировки, все мнения, старые и новые школы ответили с одинаковой готовностью на эклектический призыв организаторов этого праздника мысли. Парижане не помнят, чтобы когда-нибудь прежде происходило подобное собрание, и, как писала на следующий день популярная газета, “воистину потребовался неслыханный престиж наших гостей” для того, чтобы осуществилось это чудо: встреча за одним столом стольких несоединимых людей; совершенно очевидно, что они пришли сюда в поисках интеллектуальной общности —

34. «Monsieur, Excusez-moi de vous envoyer mon remerciement par télégramme, en raison du manque de temps.

J'accepte, oui, de grand coeur l'invitation gracieuse, qui m'est faite, pour ce soir, par les Représentants de la Littérature et de la Poésie Russes et j'en suis touché et flatté.

Agréé, Monsieur, l'expression personnelle de mon respect et de ma sympathie.

Stéphane Mallarmé

Jeudi 26 Octobre » (Там же, № 134).

35. « Chers confrères,

Une indisposition, qui m'oblige à garder la chambre, me défend le très grand honneur et la très grande joie de boire, avec les lettrés de Paris, aux lettres et aux lettrés de Russie. J'emploierai la soirée à relire des poèmes de Pouchkine et de Lermontov. Ainsi, je n'en serai non moins votre hôte. Admiration et cordialité.

Catulle Mendès » (Там же, № 139).

встретились писатели и художники, разделенные обыкновенно страстным борением идей.»³⁶

Одной из наиболее примечательных фигур среди гостей банкета был, разумеется, Эмиль Золя, чье деятельное участие в этом мероприятии было обусловлено не столько его постом председателя крупного литературного объединения (« Société des gens des lettres »), сколько обстоятельствами личного характера. Если 24 октября Золя отправляет Суворину вежливый, формальный ответ, в котором выражает согласие присутствовать на банкете³⁷, то уже на следующий день он пишет гораздо более откровенное письмо Мельхиору де Vogюэ, объясняющее причины своего равнодушного отношения к России.

«Уважаемый собрат! Идя навстречу Вашему пожеланию, я скажу на банкете несколько слов. Должен Вам сознаться, что в глубине души я буду рад сделать это, поскольку тем самым я наконец получу возможность отдать России старый долг благодарности.»³⁸

Дело в том, что еще в 1875 году, лишенный возможности публиковаться во французской периодике и потому оставшийся без средств к существованию, Золя при содействии И. С. Тургенева поместил в петербургском *Вестнике Европы* серию обзоров под заголовком «Парижские письма». В 1880 году в предисловии к сборнику *Экспериментальный роман*, составленному во многом из статей, вышедших в русском журнале, он писал:

«В ужасные часы материального стеснения и отчаяния Россия возвратила мне мою веру и силу, предоставив трибуну и самую ученую, самую страстную аудиторию. Благодаря ей я стал в критике тем, чем я сейчас

36. « L'Académie française, l'Institut de France, tous les partis, toutes les opinions, les vieilles et les nouvelles écoles, avaient répondu avec un égal empressement à l'appel éclectique des organisateurs de cette fête de la pensée. Jamais, de mémoire de Parisien, on n'avait vu une réunion pareille ; et comme le disait le lendemain un journal très répandu: "il avait fallu le prestige vraiment inouï dont jouissent nos hôtes", pour accomplir ce miracle : la rencontre, à la même table, et dans un but manifeste de communion intellectuelle, de tant d'éléments disparates, de ces écrivains, de ces artistes séparés d'ordinaire par les luttes passionnantes de l'idée. » (*Banquet franco-russe du 26 octobre 1893. Discours prononcés par MM. E.-Melchior de Vogüé, ... Tatistcheff, Souvorine, E. de Roberty, Bonnat, ... Emile Zola, Anatole Leroy-Beaulieu, ... Komaroff, R. Canivet, A. Hébrard et Jules Simon, ...* Paris, 1894).

37. «Уважаемый собрат! Я весьма тронут Вашим крайне любезным приглашением и с огромным удовольствием буду среди вас. — Примите, уважаемый собрат, заверения в самой сердечной преданности» [« Mon cher confrère, Je suis extrêmement touché de votre très aimable invitation, et c'est avec le plus grand plaisir que je serai des vôtres —. Veuillez me croire, mon cher confrère, votre bien dévoué et bien cordial. »]. (E. Zola, *Correspondance...*, op. cit., p. 73).

38. « Mon cher confrère, je dirai quelques mots, puisque vous le désirez ; et je vous avoue qu'au fond j'en suis heureux, car j'ai une vieille dette de gratitude, que je vais pouvoir payer enfin à la Russie. » РНБ, Ф. 754, ед. хр. 45, № 188.

являюсь. Я не могу говорить об этом без волнения и сохраняю постоянную благодарность.»³⁹

На банкете русской печати Золя говорил о том, что франко-русский альянс был подготовлен взаимным интеллектуальным обменом. Франция отправила в Россию посланников — Бальзака и Гюго, а Россия, в свою очередь, — Тургенева, Достоевского и Толстого. Радуюсь этому сближению, писатель высказал мечту об объединении народов всего мира, пока, быть может, несбыточную.

«Подробностей празднеств не записывал, некогда было решительно», — отметил А. С. Суворин в своем *Дневнике*⁴⁰. В протоколировании происходящего собственно не было никакой необходимости — газеты обеих стран фиксировали в каждом номере мельчайшие подробности торжеств. О том, как проходил банкет, суворинское *Новое время* сообщало, в частности, следующее:

«А. С. Суворин провозгласил тост за президента республики... Де Роберти прочитал горячее письмо Пастера, которому болезнь помешала присутствовать на банкете. С большим сочувствием были выслушаны речи Вогюэ, Татищева, Суворина, Де Роберти, Бонна, Золя, Комарова. Эблар и Жюль Симон провозгласили, полные симпатии, тосты в честь русской журналистики. Додэ прислал письмо с выражением сожаления, что по болезни не может выпить здоровье “нашего” великого Толстого. Банкет закончился концертом, в котором участвовали первые артистки и артисты Парижа. В заключение исполнены русский гимн и Марсельеза. Наша печать блистательно закончила франко-русские празднества в Париже; весь вечер царствовало замечательное душевление.»⁴¹

«Что еще можно прибавить к этому?! — негодовал позднее Лев Толстой, — особенно под звуки торжественной музыки, играющей одновременно два гимна: один — прославляющий царя и просящий у Бога для него всяких благ, другой — проклинающий всех царей и обещающий им всем погибель.»⁴²

Слова Толстого, посвятившего пространную статью нравственной подоплеке франко-русских празднеств, как нельзя лучше вскрывают двойственный характер описываемых событий.

Примечательно, что французская символистская печать никак не отреагировала на торжества. «На прошлой неделе значительное число

39. Цит. по: М. Клеман, «Из переписки Э. Золя с русскими корреспондентами», В кн.: *Литературное наследство*, т. 31-32, 1937, с. 944. По-французски об истории этих публикаций см., в частности: Jean Triomphe, «Zola collaborateur du *Messager d'Europe*», *Revue de Littérature comparée*, XVII, 1937, p. 754-757.

40. *Дневник*, указ. соч., с. 192.

41. *Новое время*, 6334, 16 (28) октября 1893, с. 1.

42. Л. Н. Толстой, указ. соч., с. 32.

офицеров русского морского флота провело несколько дней в Париже», — иронизировал журнал *Revue blanche*, в юмористической рубрике⁴³.

Либеральная печать России протестовала против союза двух государств с различным политическим устройством, опасаясь, что такое сближение нанесет ущерб демократическим ценностям. Тот же *Вестник Европы* отмечал в неподписанной статье, что :

«[французы] вполне справедливо приписывали заслугу сближения исключительно высшему правительству, не придавая никакой самостоятельной роли нашим подражательным манифестациям и заявлениям. Вместе с тем они избегали даже отдаленных намеков на внутренние наши вопросы и задачи, ограничиваясь лишь указаниями на нашу литературу, понятную и сочувственную им в лице Тургенева, Достоевского, Толстого.»⁴⁴

Отмечая далее, что «представления о России остаются» во Франции «довольно фантастичными даже у образованных французов», не говоря уже «о массе среднего общества», неизвестный автор продолжал:

«Наиболее вводили французов в заблуждение некоторые наши журналисты, фигурировавшие в качестве “делегатов русской печати”, они произносили речи о политике в таком тоне, как будто это для них самое обычное занятие на родине, и они высказывали от имени нашего общества такие чувства, которые вовсе не выражают у себя дома. [...] Представители их устроили потом в свою очередь банкет в честь французских журналистов и литераторов и как видно из речей даже таких лиц, как де-Вогюэ, Зола и Геббар, не возникало даже никакого сомнения в том, что, например, “Свет” и другие газеты представляют передовую, прогрессивную, по понятиям французов, силу нашей печати. Издатель “Temps”, Геббар, пожелал даже присвоить будущему веку название “нового времени” — времени франко-русского прогресса и процветания; о создании новой “франко-русской эры” говорил даже “Свет” и виконт де-Вогюэ⁴⁵. [...] Как бы то ни было, французы не получили верного материала для суждения о взглядах, тенденциях и симпатиях русской печати; они, пожалуй, так и останутся при убеждении, что “Свет” есть выразитель нашего общественного прогресса, и что “Новое Время” согласно своему названию, стремится насадить у нас новые начала современной культуры.»⁴⁶

Мы не знаем, поддались ли французские писатели и художники пафосу возвышенных речей и парадных тостов. В их переписке, дневниках и других документах практически не осталось свидетельств об участии в этом мероприятии и тем более оценок или личных впечатлений. Разочарование по поводу помпезной встречи выразила критикуемая либералами газета *Свет*. В выпуске от 24 октября (5 ноября) 1893 года она подводила итог апофеозу франко-русской дружбы раешником:

43. «La semaine dernière, un certain nombre d'officiers de la marine russe ont séjourné quelques jours à Paris » (*Revue blanche*, 25, novembre 1893, p. 346).

44. *Вестник Европы*, ноябрь 1893, с. 399.

45. Текст речей, произнесенных на банкете, опубликован в процитированной нами выше кн.: *Banquet franco-russe...*, *op. cit.*

46. *Вестник Европы*, ноябрь 1893, с. 399-400.

«Есть материал к стати — банкет печати. Француз отличался гостеприимностью — мы его попотчевали взаимностью, позвали по сердцу соседа — и к себе на беседу, и речей послушать — и хлеба-соли откусать и винца пригубить — и сердце приголубить...

Откликнулись!

Собрались по русскому приглашению — цвет и соль французского гения, Столпов мира — влекла сюда идея мира, и текли при этой славной встрече — и слезы и речи. Все тосты — были ясны и просты, и царил над речами кумир: — да здравствует в мире мир...

И только!»⁴⁷

*Université de Genève
Faculté des lettres
3, rue de Candolle
CH-1205 Genève*

roman@vestris.com

47. *Свет*, 246, 1893, с. 1.